

осуществляется выбор вектора политэкономической и организационной стратегии. Приведем несколько цифр. Передовыми странами в этом отношении являются страны Евросоюза, где среднее число патентов превышает 60 тыс., в Австралии 43 тыс., в Ю. Корее 114 тыс., в США 220 тыс. и в Японии 400 тыс.

В странах СНГ по количеству зарегистрированных патентов занимает Россия (123 на 1 млн. населения), затем Молдова (73), потом Украина (71) и Беларусь (70). Для сравнения отметим, что в Японии этот показатель составляет 2705.

В 1996 г. в РБ наряду с использованием своих зарегистрированных патентов использовалось 20347 патентов зарубежных заявителей. Это соотношение 1/29 свидетельствует о высокой зависимости национальной экономики от технологий других стран. В то время в печати постоянно говорится о достаточно высоком уровне человеческого потенциала республики. Но это требует уже отдельных комментариев.

Литература

1. Keynes J. Essays in Persuasion. New York, 1963.
2. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993.
3. Кейнс Д.М. Трактат о денежной реформе // Избранные произведения. М., 1993.
4. Капелюшников Р. Экономическая теория прав собственности. М., 1990.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь. Мн., 2002.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 2, 3, 4.
7. Лемешенко П.С. Неэкономика: онтологические изменения и теоретические начала // Философия хозяйства. М.: МГУ. 2002.
8. Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. М., 1990.
9. Лемешенко П.С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. М., 2001.
10. Мельяпцев В. Информационная революция — феномен «новой экономики» // МЭиМО. 2001. № 2.
11. Цвылев Р. Метаморфоза индустриальной экономики: проблема экономических изменений // МЭиМО. 2001. № 2.
12. Марцинкевич В.И. Человеческий фактор и эффективность экономики. М., 1991.
13. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.
14. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.
15. Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 8.
16. Arrow K. Gifts and Exchanges // Philosophy and Public. 1972. Vol. 1. № 4.
17. Эрроу К. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. 1995. № 5.

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ИНСТИТУТОВ

Руденко И.А., БГУ

Поражение социализма как социально-экономической системы повлекло за собой не только импорт рыночных институтов как способ преобразования командно-административной экономики в рыночную, но так же была импортирована парадигма методологии рыночного мышления, которая стала доминировать в сфере социально-экономических наук, вытеснив диалектику. «Вина» последнего была очевидна и исторически доказана?... Выводы марксизма, как учения наиболее последовательно использовавшего диалектику как инструмента теоретических построений, оказались достаточно влиятельными, а страны, последовавшие по предначертанному пути, оказались в историческом тупике: социалистическая экономика не смогла конкурировать с рыночной. Идеология же оправдывала такое положение вещей, выстраивая тоталитарные политические режимы.

Естественное желание ученых избавиться от коммунистической идеологии, отойти от ошибочного (тупикового) направления развития науки привело к резкому повороту от полной обструкции буржуазной экономической науки, которую называли не иначе как «вульгарной» к ее восприятию как единственно правильного учения. Политэкономы-марксисты превратились в прилежных школяров, усваивающих достижения ученых Запада. Это произошло, естественно, в результате того, что, отказавшись от марксистского учения, они отказались и от политической экономии, тем самым, превратившись из труженников, создающих научную продукцию в учеников, которые пытаются освоить новые, не привычные для них инструменты.

Нельзя сказать, что марксисты в совершенстве владели методами политэкономического исследования, особенно диалектикой. Поскольку этот инструмент был весьма неудобен при использовании его в узких рамках марксистско-ленинских догм и идеологических ограничений. Поэтому столь легко, поменяв названия кафедр и научных школ, ученые марксисты стали усиленно усваивать когда-то критикуемую ими науку, как истину в последней инстанции, то есть не критически. А наука как раз заканчивается на том месте, где заканчивается научная критика. Этим объясняется продолжающийся застой в отечественной экономической науке, выражающийся в отсутствии новых подходов к исследованию современных проблем.

Западная экономическая теория, сосредоточившись на проблемах повышения эффективности экономических систем, значительно продвинулась в этом направлении, оказав огромное влияние на совершенствование рыночной экономики. Острейшие социально-

экономические, классовые противоречия капиталистического общества удалось снять и найти способ их разрешения без крайнего обострения. Сознательный уход западной экономической науки от исследования экономических противоречий, проявляющихся через столкновение классовых интересов, был обусловлен влиянием марксистской политэкономии, поставившей эти противоречия во главу угла и использующей как один из способов их разрешения. Обострение классовых противоречий разрешалось путем уничтожения одной из сторон — одного из общественных классов. Для западного общества такой путь развития был не приемлем в силу другой методологии научного исследования, которая была им использована.

Догматически восприняв идею о единственном прогрессивном общественном классе — пролетариате, историческая роль которого заключается в том, чтобы, перевернув мир, стать господствующей силой, единственной доминантой в разрешении всех социально-экономических противоречий, ученые-марксисты конструировали абстрактные модели идеального общества, уже лишенного внутренних противоречий, фактически отказались от марксистской методологии. Поэтому столь легко и без дискуссий они сдали свои позиции, уступив место прагматичной западной научной традиции, забыв о той критике, которой еще недавно была столь актуальной. Вместо взаимообогащения, которого можно было бы ожидать от слияния двух течений, где марксистская методология политэкономического исследования, возможно, обогащенная позитивизмом и конкретностью институционального направления экономической теории, могла бы дать новый импульс этому направлению, произошло поглощение и бесследное растворение некогда могучих советских политэкономических школ.

Диалектика, освобожденная от идеологических канонов, позволит по-новому взглянуть на природу институтов, вскрыты наиболее глубокие сущностные закономерности их образования, развития и отмирания. Вульгарно-идеологическая ограниченность марксистской политэкономии заключается в том, что, исходя из идеи классовой борьбы, она концентрирует внимание лишь на двух сторонах экономических отношений, проявляющихся как противоположно направленные интересы классов собственников и наемных работников. Экономические формы как способ разрешения этого основного противоречия на каждой фазе воспроизводственного цикла, по сути, представляют собой систему институтов конкретно-исторической экономической системы. Эта система до тех пор, пока ее основное противоречие между трудом и капиталом не достигнет своего крайнего развития, будет находиться в стадии, названной переходным периодом. Весь интеллектуальный потенциал марксистской политической экономии долгие годы был сконцентрирован на том, чтобы доказать неизбежность победы труда над капиталом. Однако так эта завеса

и осталась не решенной, как впрочем не было доказано и обратное. Двусмысленность утверждения К. Маркса о том, что прогрессивность пролетариата заключается в том, что это — единственный класс, который заинтересован в самоуничтожении, поставило ученых марксистов в логический тупик, из которого они так и не нашли выход. Трансформация института наемного труда в институт «человеческий капитал» показывает нам путь развития класса наемных работников. Но данная концепция неприемлема для марксистов, так как им придется отказаться от «гегемонии пролетариата» и создания института «пролетарского государства». В то же время для западной экономической традиции неприемлема идея «противоречия» как источника развития института, поэтому их трактовка человеческого капитала внеисторична.

Политэкономический метод исследования экономических явлений, заключающийся в анализе противоречий, проявляющихся как противоположно направленные экономические интересы общественных классов весьма продуктивен в исследовании исторического развития, определения закономерностей развития форм отношений (институтов). Благодаря этому политэкономия почти неизбежно становится идеологическим оружием класса, стремящегося утвердиться в качестве господствующей силы. Но как только политэкономия становится идеологическим оружием власти, она утрачивает свою прогрессивность. Поэтому политэкономия не должна обслуживать интересы одного класса. Биполярная модель общества, созданная марксизмом, оказалась слишком упрощенной и не отражает всего многообразия интересов современного общества, которое состоит отнюдь не только из пролетариев и капиталистов. В то же время институты, представленные как устойчивые формы согласования интересов, не позволяют рассматривать их в развитии, используя метод восхождения от абстрактного к конкретному, от всеобщих законов и развития к частным законам, как форме проявления общего. В этом заключается принцип историзма, которым пренебрегают или недооценивают современные институциональные школы.

Производственные отношения, являющиеся предметом исследования политической экономии и институты как предмет институционализма имеют одну и ту же основу — различие экономических интересов, но имеющие разный характер их взаимодействия.

Политэкономия придает различие экономических интересов непримиримый классовый характер, проявляющийся как борьба между основными общественными классами за господство в обществе, институционализм же игнорирует возможность развития различий через противоречие, акцентируя внимание лишь на согласовании интересов.

Объединение этих двух методологий возможно только при условии отказа от идеологических догм, присущих каждому из направлений. Главным догматом марксистской политэкономии, препятствующим ее

обращению к решению конкретно экономических проблем, является постулат о необходимости классовой борьбы, в которой неизбежно должна стать доминирующей силой общества пролетариат, в результате победы которого возникнет бесклассовое общество, где все экономические интересы будут унифицированы и односторонены. Поскольку такая общественная система была бы нежизнеспособной, то целью общественных преобразований выступает самоуничтожение. Как показал опыт коммунистического строительства, чтобы люди смирились с такой перспективой, их бытие необходимо довести до очень низкого состояния. Сегодня Северная Корея, как страна наиболее последовательно реализовавшая идеи коммунистических преобразований, представляет, возможно, собой не только систему уничтожения собственного народа, но и угрозу всему цивилизованному обществу.

С другой стороны, методология институциональной экономики не выстраивается в строгую научную концепцию развития экономической системы, не сформулированы цели, источники и основные закономерности этого процесса. Представляется, что методология политэкономического анализа, примененная к исследованию институтов, помогла бы их представить в динамике как результат взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов.

Очевидно, что эндогенные факторы являются результатом взаимодействия различных экономических интересов. Это взаимодействие может приобретать характер противоречия и согласования интересов под воздействием экзогенных факторов. Экономические институты формируются на стыке взаимодействия экзогенных и эндогенных факторов. Более глубокий анализ экономических интересов показывает, что их формирование определяется функциями, выполняемыми конкретными субъектами, а отнюдь не являются чем-то данным по причине принадлежности к некому общественному классу. Поэтому классовый подход, правомерный с точки зрения идеологии, не пригоден для решения конкретно-экономических проблем. Решение этих проблем возможно не посредством превращения различий экономических интересов в противоречие, а наоборот, только путем снятия противоречий. Такой подход, безусловно, важен в определении экономической политики, являющейся эндогенным фактором формирования экономических институтов. Именно от экономической политики зависит, по какому пути развития пойдет общество: или путем обострения противоречий, приводящих к нарушению институционального равновесия и демонтажу экономических институтов, или же путем корректировки и согласования интересов, приводящему к установлению институционального равновесия в обществе.

ПРОБЛЕМА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК

Коробкина А.В., БГУ

С момента признания транзакционных издержек неотъемлемой частью функционирования экономической системы предпринимались неоднократные попытки количественного их измерения. Ниже будут представлены два подхода к этой проблеме — микро- (подход Уильямсона) и макро- (подход Норта).

Теория транзакционных издержек Оливера Уильямсона подразделяет последние на издержки типа *ex ante* и *ex post*. Если *ex ante* издержки (затраты на составление проекта соглашения и проведение переговоров по нему) поддаются подсчету, то *ex post* издержки, возникающие по мере реализации контракта, зачастую невозможно определить до вступления контракта в силу. Таким образом, проблема количественной оценки транзакционных издержек при данном подходе состоит в наличии *ex post* издержек. В эмпирических исследованиях почти никогда не предпринимается попытка непосредственно измерить их величину. Вместо этого ученые стремятся ответить на вопрос, соответствуют ли организационные отношения (контрактная практика, структуры управления) атрибутам транзакций или нет? [2, с. 59].

В 1986 году Норт и Уоллисом была предпринята попытка измерения транзакционных издержек при продвижении товара на рынке США. Под транзакционными издержками они понимали затраты на банковские, финансовые услуги, страхование, оптовую и розничную торговлю. Проведя ретроспективный анализ величины транзакционных издержек за предшествующее столетие, ученые пришли к выводу о том, что за этот промежуток времени их доля увеличилась с 25% до более, чем 45% национального дохода [1, с. 46]. Из вышеизложенного Норт и Уоллис сделали вывод, что «транзакции потребляют очень большую и все возрастающую долю ресурсов экономики» [1, с. 46]. Однако, на мой взгляд, такое положение дел можно объяснить тем фактом, что институциональная система США изменялась в связи с активным государственным вмешательством в экономику, созданием государственного сектора, а также затратами экономических агентов на адаптацию к меняющейся институциональной среде. В общем случае высокий уровень транзакционных издержек в экономике говорит о том, что система находится в стадии формирования или переживает институциональные изменения. Логично сделать вывод о том, что по мере достижения экономической системой оптимального состояния уровень транзакционных издержек будет понижаться. На мой взгляд, подход Норта